

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340. 312

DOI: 10.17223/22253513/28/1

В.В. Кожевников

К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

На основе критического анализа учебника В.В. Сорокина «Теория юридической ответственности» рассматриваются общетеоретические проблемы данного феномена: позитивной юридической ответственности, соотношения негативной юридической ответственности и мер защиты. Особое внимание в статье уделяется избранному автором так называемому религиозно-нравственному подходу при рассмотрении различных вопросов юридической ответственности. Ключевые слова: учебник, юридическая ответственность, меры защиты, религиозно-нравственный подход.

Сразу заметим, что настоящая статья написана на основе критического анализа учебника профессора Алтайского государственного университета В.В. Сорокина «Теория юридической ответственности» [1], структурно состоящего из введения, 4 глав, соответственно названных следующим образом: основные категории юридической ответственности, юридическая ответственность как правовой институт, юридическая ответственность в духовно-нравственном измерении, юридическая ответственность в сфере правовой психологии; заключения, рабочей программы по этой учебной дисциплине и библиографического списка.

Если говорить в целом о представленной работе, следует отметить ее оригинальный характер, неординарный подход к решению различных проблем негативной юридической ответственности. Учебник, представляющий несомненный интерес, написан на основе не только юридической, но и философской, исторической, психологической, психиатрической и религиозной литературы. Отметим, что ученый, выходя за рамки заявленной темы учебника, рассматривает не только теоретические вопросы юридической ответственности, но и практику ее применения [Там же. С. 71–79].

Критический анализ данного учебника, предназначенный для студентов и преподавателей юридических факультетов России, как, впрочем, практически любая серьезная научная работа, имеет те основные положения, с которыми следует согласиться, так и те из них, которые вызывают сомнения.

На наш взгляд, следует поддержать ученого, который весьма негативно относится к понятию так называемой позитивной юридической ответ-

ственности. В частности, автор рассуждает о невозможности определить ее юридическую природу, отследить и зафиксировать осуществление и т.д. Полностью согласны с В.В. Сорокиным, подчеркивающим, что «проблему так называемой юридической ответственности пора закрыть как теоретически и практически несостоятельную. Позитивной юридической ответственности нет. Юридическая ответственность всегда негативна» [1. С. 45–46].

Обращаем внимание, что в литературе юридическая ответственность в классическом понимании рассматривается как негативная (ретроспективная) ответственность, несмотря на различные ее трактовки: необходимость правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия различного характера; возникающее из правонарушений правовое отношение между государством, его специальными органами и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие негативные последствия; применение к правонарушителю штрафных (карательных) санкций норм права и др.

Что же касается позитивной юридической ответственности, которая рассматривается как самостоятельное, добросовестное, активное выполнение обязанности, добровольное следование предписаниям норм права, то и к ней, заметим, проявляется самое неоднозначное отношение.

Иными словами, в позитивном смысле под юридической ответственностью понимается осознание субъектом права своего долга (особых обязанностей) перед обществом, коллективом, социальными группами. Такую ответственность субъект возлагает на себя как бы за будущие результаты своего правомерного поведения. Речь идет о дополнительных, активных (по сравнению с другими субъектами права) усилиях, нагрузках в тех или иных областях жизнедеятельности людей, которые ведут к определенным позитивным результатам. За успех взятой на себя миссии и конечные результаты индивид берет на себя указанную ответственность [2. С. 462].

Более того, в ряде случаев обосновывается мнение, что главенствующую роль и решающее значение в праве имеет именно позитивная ответственность, а ретроспективная играет подчиненную по отношению к ней роль [3. С. 62].

В другом случае позитивная (перспективная) ответственность связывается с определенным внутренним состоянием и внешней социально-правовой активностью личности, с ее отношением к возложенным, взятым на себя обязанностям; порученному делу, работе, задачам; государству, обществу, коллективу [4. С. 41]. Н.И. Матузов пишет, что ретроспективный подход к ответственности, который пока еще преобладает в литературе, выглядит односторонним и неполным, ибо при таком подходе на первый план выступает лишь карательно-предупредительный момент, но уменьшается в какой-то мере социальное, морально-этическое и гражданское значение ответственности [Там же].

Д.А. Липинский предложил объединить два аспекта юридической ответственности – позитивный и негативный. По мнению автора, «юридическая ответственность едина, а ее различные формы реализации (добро-

вольная и государственно-принудительная. – В.К.) находятся в постоянной борьбе» [5. С. 10, 13, 15, 22]. Проявляя непоследовательность, в другой работе автор утверждает, что «наличие карательной функции – это специфический признак, отличающий меры юридической ответственности от мер защиты», «основанием для применения мер юридической ответственности выступают юридический факт правонарушения и акт применения права (приговор суда, постановление о привлечении к административной ответственности и т.п.)» [6. С. 15].

На наш взгляд, в необоснованную крайность впадает А.С. Бондарев, категорически заявляя, что юридическая ответственность может носить только позитивный характер, являясь ценным (позитивным) правовым свойством субъектов права [7. С. 143].

Противники же позитивной юридической ответственности, к которым относится и автор настоящей работы, выдвигают самые разнообразные аргументы, которые обуславливают их научную позицию. Так, не соглашаясь с концепцией позитивной юридической ответственности, Н.С. Малеин указывал, что четкого и однозначного определения понятия позитивной ответственности пока нет, а в имеющихся определениях допускаются подмена терминов и объединение различных категорий: «...объявление ответственностью обязанности совершить предусмотренные законом действия (долга) ведет, с одной стороны, к удвоению терминологии: одно и то же явление одновременно именуется и обязанностью, и ответственностью, и с другой – вносит неясность в терминологию: ответственностью называется и сама обязанность, и последствия ее неисполнения, при этом допускается смешение этих двух качественно разных явлений» [8. С. 131]. Р.О. Халфина писала, что «предложения о безграничном расширении понятия ответственности, о применении этого понятия в его общеупотребительном смысле нельзя считать приемлемыми» [9. С. 317]. В.В. Мальцев подчеркивает, что безграничное расширение понятия ответственности ведет к удвоению и неясности терминологии, смешению двух качественно различных явлений, к такому положению, когда позитивная ответственность утрачивает конкретность и, по существу, сливается с понятием права (осознанием права) [10. С. 155]. Н.А. Пьянов категорически заявлял, что позитивная юридическая ответственность не открывает каких-то новых горизонтов в теории юридической ответственности, а попытки отдельных исследователей выработать единое понятие юридической ответственности, которым бы охватывалась как позитивная, так и негативная ответственность, едва ли способны увенчаться успехом, поскольку позитивная, не имеющая собственно юридической специфики и ничем не отличающаяся от общесоциальной ответственность и негативная юридическая ответственность – антиподы, совершенно разные, диаметрально противоположные явления [11. С. 490–491]. Говоря о позитивной ответственности, А.С. Шабуров однозначно полагает, что «она вообще не укладывается в категориальный аппарат юридической науки, не является явлением юридическим» [12. С. 273]. В.И. Шепелев подчеркивает, что постановка во-

проса о позитивной юридической ответственности встречает серьезные возражения, главным образом, из-за отсутствия должного содержания правовых компонентов в данном виде ответственности. В частности, здесь нет элементов подотчетности, контроля, принуждения, что характерно для классической (ретроспективной) юридической ответственности [13. С. 462].

В.В. Лазарев и С.В. Липень считают, что «для того чтобы исследовать явление, называемое «перспективной (позитивной) юридической ответственностью», необходимо переработать понятийный аппарат (поскольку два совершенно различных правовых явления называются примерно одинаково!) и рассматривать все связанные с ним вопросы не вместе с юридической ответственностью, а, например, в связи с правомерным поведением» [14. С. 523–524]. Н.Н. Черногор подчеркивает, что, заявляя о реальной позитивной ответственности, ее диалектическом единстве с ответственностью за правонарушение (ретроспективной, негативной), никто не пытается обосновать подобную позицию, объяснить диалектику перехода позитивного аспекта ответственности в негативный [15. С. 105].

В одной из своих работ О.Э. Лейст, оценивая позитивную юридическую ответственность, обращал внимание на то, помимо терминологической путаницы, возникающей в результате обозначения одним и тем же термином «ответственность» столь разных явлений, как долг, обязанность и ответственность [16. С. 228–230], авторы исходят не из анализа сути права как социальной реальности, а из «семантических изысканий», сводящихся к рассмотрению «различных значений слов и терминов, опирающихся на толковые словари» [17. С. 594]. Беда не только в том, резонно замечает ученый, что «семантические изыскания заменяют и заслоняют изучение права, еще хуже, что они вступают с ним в радикальное противоречие» [Там же. С. 595]. Развивая идею двойственного – негативного и позитивного – представления о юридической ответственности, строят свою конструкцию, как представляется, на механическом перенесении соответствующей социологической и философской терминологии на юридическую понятийную систему, без учета специфических особенностей последней [18. С. 638]. Кроме того, как обоснованно заметил О.Э. Лейст, «на переименовании достаточно известных правовых явлений основано и большинство попыток развить идею правовой позитивной ответственности». В самом деле, рассуждает автор, если сторонниками этой идеи ответственность определяется как «объективно обусловленная необходимость осознанного и добровольного соблюдения правовых предписаний всеми субъектами права», «общее требование для всех субъектов права – как руководство к действию, к правильному выполнению правовых норм», если утверждается, что «правомерные юридически значимые поступки оцениваются как ответственные», то спрашивается: почему это – «ответственность, а не законность, общеобязательность права, правомерное поведение, как утверждают другие правоведы» [17. С. 597].

В другой работе ученый подчеркивал, что наиболее уязвимым звеном идеи правовой позитивной ответственности является невозможность опре-

делить ее юридические свойства и качества, чем-либо отличающиеся от известных понятий «обязанность», «правомерное поведение», «правосубъектность», «деликтоспособность», «выполнение обязательств» и др. [19. С. 367].

Многолетние призывы разработать понятие правовой позитивной ответственности, раскрыв свойственное ей юридическое содержание, не пошли далее декларативных рассуждений, и, наоборот, углубленное исследование проблем социальной ответственности с позиций правоведения неизбежно приводит к выводу о том, что ее позитивный аспект «не обладает признаками, качествами, особенностями правового явления, характеризующегося связью с государством, с правом. Признание юридического характера позитивной ответственности не только не соответствует природе явления, но и усложняет решение многих проблем в юридической науке, ибо означает ликвидацию юридической ответственности как специфического правового явления» [20. С. 15–16].

Кроме того, вызывает тревогу, что с распространением идеи правовой позитивной ответственности нередко связаны теоретические рекомендации, крайне сомнительные именно с точки зрения эффективности правовой пропаганды, воздействия на общественное правосознание. Взгляд на правовую позитивную ответственность как на «другой аспект», оборотную сторону, зеркальное отражение традиционной ответственности за правонарушение с самого начала основывался на предположениях, что источником правовой позитивной ответственности являются санкции за правонарушения, в том числе уголовно-правовые. При «двухаспектном» понимании ответственности легкость замены в термине «ответственность» одного смысла (правомерное поведение) другим (наказание или взыскание за правонарушение) породила соблазн вести пропаганду, угрожая санкциями. Теоретическим результатом этого явились рассуждения ряда сторонников указанной идеи о том, что все граждане несут уголовную ответственность безотносительно к тому, совершают они преступления или нет [21. С. 25–31].

Суммируя все возражения против категории позитивной юридической ответственности, можно сказать, что ее противники рассматривают ее как моральную ответственность, существующую наравне с правовой.

Полагаем, что вызывает большие сомнения точка зрения о признании позитивной юридической ответственности в качестве категории общей теории права, несмотря на обстоятельство, что в ряде случаев при ее характеристике авторы используют такие выражения, как «правомерное поведение», «уважение к закону», «правовой статус субъекта» и др.; определяют ее меру через субъективные права и юридические обязанности [22. С. 5–14].

Допускаем, что возможные наши оппоненты и одновременно сторонники позитивной юридической ответственности в качестве еще одного аргумента в ее защиты будут рассуждать о принципе научного плюрализма, предполагающем учет различных мнений по одной и той же общетеоретической проблеме. Соглашаясь со значимостью этого методологического принципа познания, все-таки следует учитывать, что и он имеет соответствующие границы, не допускающие нарушения. Как представляется, в

этой связи весьма точно заметил О.В. Мартышин: «Плюрализм хорош, когда он опирается на солидные культурные традиции, сочетается с серьезной борьбой идей, полемикой, нетерпимостью к непрофессионализму, псевдонаучности, желанием славы или корыстными соображениями... При таких условиях плюрализм позволяет повысить уровень научного высказывания. Если же этого нет, свобода мысли оборачивается разнузданностью, всеядностью и вседозволенностью, что ведет к падению культуры исследования» [23. С. 20].

На наш взгляд, в учебнике В.В. Сорокина имеют место некоторые положения, которые вызывают определенные сомнения.

Во-первых, те из них, которые необоснованно отождествляют меры юридической ответственности и меры защиты. К сожалению, такое положение дел имеет место, когда автор полагает, что юридическая ответственность является формой защиты общества от правонарушений [1. С. 24], при трактовке так называемой добровольной формы юридической ответственности, которая ассоциируется с возмещением причиненного вреда [Там же. С. 35], наконец, при признании компенсационной (восстановительной) функции юридической ответственности [Там же. С. 97].

Оценивая позиции сторонников восстановительной функции юридической ответственности, следует обратить внимание на то, что ими безосновательно отождествляются меры юридической ответственности и меры защиты, игнорируется то принципиальное положение, согласно которому меры защиты – это меры государственного принуждения в целях восстановления и защиты нарушенных прав (например, принудительное взыскание алиментов, изъятие у должника и передача взыскателю определенных предметов и др.). В этом случае нарушитель не испытывает лишений, как при осуществлении юридической ответственности, так как здесь цель принуждения – не наказание правонарушителя, а побуждение его к исполнению юридической обязанности, посредством которой и обеспечивается субъективное право управомоченной стороны [24. С. 344–345].

Полагаем, что В.В. Лазарев четко различает меры юридической ответственности и меры защиты (восстановительные меры), применяемые для восстановления нормального состояния правоотношений путем побуждения субъектов права к исполнению возложенных на них обязанностей. К мерам защиты автор относит признание сделки недействительной с возвращением сторон в первоначальное имущественное положение, взыскание долга, возмещение вреда, понесенного при спасении имущества общественных и государственных организаций, взыскание алиментов, восстановление на работу лиц, уволенных незаконно, удержание ошибочно выплаченных работнику сумм, взыскание налогов, отмена незаконного нормативного правового акта или правоприменительного акта. Ученый обращает внимание на то, что меры защиты применяются за правонарушения, обладающие минимальной степенью общественной опасности, а также в отдельных случаях и при отсутствии противоправных деяний (например,

возмещение вреда, понесенного при спасении имущества государственных и имущественных организаций) [14. С. 520].

Думается, что все же речь идет о проступках, хотя не только они, но и **некоторые преступления** (выделено нами. – *В.К.*) могут являться основаниями применения мер защиты.

В частности, речь идет о гражданском иске в уголовном судопроизводстве, особенности которого, по мнению В. Божьева, в известной мере обусловлены зависимостью от характера совершенного преступления [25. С. 3]. В ч. 1. ст. 44 УПК РФ устанавливается, что «гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением... Гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда».

В настоящее время отечественные суды, разрешая гражданские иски в уголовном судопроизводстве, избирают единственный способ восстановления нарушенного преступлением материального права – взыскание убытков в денежной форме. Деятельность обвиняемого по возмещению потерпевшему причиненного ущерба в натуре, обычно осуществляемая на практике в процессе предварительного следствия, остается за пределами уголовно-процессуального регулирования как не предусмотренная законом. Такое положение, определяющее «денежный» способ защиты прав и законных интересов граждан, организаций и государства, вряд ли будет способствовать восстановлению нарушенных прав потерпевших. А.П. Рыжаков, исследуя правовой статус гражданского истца в уголовном судопроизводстве, утверждает, что требование денежного эквивалента не всегда является рациональным для гражданского истца. По мнению автора, «у гражданского истца есть право предъявить требование о любой другой форме возмещения, причиненного ему непосредственно преступлением имущественного ущерба... не деньгами, а аналогичной вещью. Этот способ возмещения ущерба ограждает гражданского истца от неблагоприятных последствий инфляции, дефицита и т.п.» [26. С. 79].

Обращает внимание то обстоятельство, что и другие ученые пытаются показать различия, существующие между мерами юридической ответственности и мерами защиты, в той или иной степени внося в разработку этой общетеоретической проблемы свою лепту. Так, В.И. Червонюк считает, что меры защиты отличаются от юридической ответственности тем, что они наступают за правонарушение, обладающее часто минимальной степенью общественной опасности, или деяние, представляющее собой «правовую аномалию», не приобретающее характер правонарушения. К мерам защиты автор относит: признание сделки недействительной с возвращением сторон в первоначальное имущественное положение, перевод неисправного плательщика на предварительную оплату счетов, реальное исполнение договорных обязательств (допоставка, доукомплектование продукции) и другие в гражданском праве; отобрание детей без лишения ро-

дательских прав, взыскание алиментов – в семейном праве; принудительное лечение, взыскание денежных сумм (налогов) и другие – в административном праве; восстановление на работу незаконно уволенных – в трудовом праве и пр. [27. С. 569–570]. Думается, что в приведенных положениях автором неоправданно отождествляются меры защиты и принудительные меры медицинского характера. С.С. Алексеев, в свое время проводя разграничение мер защиты и мер юридической ответственности, с одной стороны, аргументировано писал, что, если главная функция юридической ответственности – штрафная, то функция мер защиты сводится к восстановительным задачам, однако, с другой стороны, вызывает сомнение то положение ученого, согласно которому «для мер юридической ответственности основанием является правонарушение а для мер защиты – объективно противоправное поведение, которое может быть названо “правовая аномалия”» [28. С. 280–281]. В этом отношении более убедительная точка зрения Д.А. Липинского, считающего, что меры защиты применяются «как в случае совершения правонарушения, так и при отсутствии такового» («иные юридические факты») [29. С. 15–16]. С точки зрения В.М. Ведяхина, характерной чертой юридической ответственности следует признать применение штрафных санкций, которые в каждой отрасли различны, и прежде всего по этому признаку следует отличать ответственность от мер защиты [30. С. 32–33].

В.В. Лазаревым совершенно обоснованно указывается, что меры защиты заключаются в том, что лицо принуждается к исполнению лежащей на нем обязанности, которую ранее оно должно исполнить, но не исполнило. **Дополнительных** (выделено нами. – В.К.) лишений, помимо исполнения обязанности, в этом случае для лица не наступает (например, при взыскании алиментов удерживаются суммы, которые лицо должно было выплатить добровольно), а юридическая ответственность связана с возложением на правонарушителя обязанности, не существовавшей до правонарушения. Наконец, В.В. Лазарев обращает внимание и на то, что по своей основной направленности меры юридической ответственности обращены, прежде всего, к правонарушителю, их главная функция – карательная. Меры защиты направлены не столько на правонарушителя, сколько на обеспечение, восстановление интересов управомоченного лица, их основная функция – защита соответствующих субъективных прав [14. С. 520]. Однако, при изложении в целом достаточно аргументированных положений, автор, помимо карательной (штрафной), воспитательной и превентивной, выделяет правовосстановительную функцию юридической ответственности, подчеркивая при этом, что она присуща, прежде всего, имущественной ответственности, призвана компенсировать потери потерпевшей стороны, восстановить ее права [Там же. С. 527]. Кроме того, думается, что здесь следует говорить не о функциях так называемой имущественной ответственности, а о функциях юридической ответственности вообще, как одной из основных понятий общей теории права. Интересно заметить, что в другой работе ученый эту функцию юридической ответственности не

называет, однако вместо нее предлагает иную функцию – компенсационную, направленную, прежде всего, на возмещение причиненного правонарушителем ущерба. Автор поясняет, что она имеет целью загладить вред, нанесенный правонарушителем (возврат похищенной вещи или компенсация ее стоимости, возмещение потерь от неправомерного действия другой стороны, возмещение упущенной выгоды и т.п.), чтобы потерпевшая сторона могла продолжать действовать в таких же условиях, как и до правонарушения [31. С. 382].

Заметим, что существует группа ученых, к ним принадлежит и автор настоящей статьи, которые вообще не признают наличие восстановительной функции юридической ответственности. Полагаем, что эта точка зрения является более правильной, адекватно отражающей правовую реальность. Так, Т.Б. Шубина категорично утверждает, имея в виду уголовное право, что «наказание ничего не возмещает, не имеет этой цели и по своей природе ничего не может возместить. Ущерб, причиняемый правопорядку, вообще не может быть устранен... Восстановительная функция ответственности отсутствует и в других отраслях права. Восстановительный характер присущ прежде всего мерам защиты, предусматриваемым нормам самых различных отраслей права» [32. С. 82]. Возражения оппонентов, которые ссылаются на такую цель уголовной ответственности, как восстановление социальной справедливости, нормативно закрепленную в УК РФ (ч. 2 ст. 43 УК РФ) [16. С. 153], на наш взгляд, являются несостоятельными, ибо авторы ссылаются на норму права, имеющую высокий характер декларативности.

В качестве общетеоретических положений, лежащих в основе нашей позиции, может быть, в какой-то степени повторяясь, назовем следующие. Социально-правовое назначение правоспособительных мер состоит в том, чтобы возместить ущерб, причиненный правонарушением (иными действиями) законным интересам и правам личности. Нормативной основой правоспособительных мер служат так называемые правоспособительные санкции, с помощью которых государство охраняет нормальное развитие общественных отношений в обществе путем: законодательного определения обязанности возместить причиненный имущественный вред, ущерб; отмены незаконных актов и сделок; указания на меры принуждения, принимаемые компетентными органами для реализации невыполненных обязанностей и т.д. Основное назначение этого вида санкций – защита права, принадлежащего управомоченному, восстановление его имущественных и иных интересов.

Главное в юридической ответственности – штрафное, карательное воздействие, чего лишены правоспособительные меры, направленные на восстановление правового положения, обеспечение исполнения юридической обязанности, охрану прав и законных интересов личности; поэтому на первый план при применении этих мер выдвигается не правонарушитель, а управомоченное лицо.

Соглашаясь с данными положениями, высказанными В.В. Сергиной, следует обратить внимание на то, что автор обоснованно подчеркивает,

что правосстановительная форма принуждения характерна **почти** (выделено нами. – В.К.) для всех отраслей права, только в одних отраслях она выражена ярче, чем в других. Приводя примеры применения правосстановительных санкций в государственном, трудовом и семейном праве, автор правильно пишет о преимущественном значении данных санкций для гражданского права, ибо здесь они наиболее приспособлены для эффективной охраны имущественных отношений, так как основной функцией гражданско-правового регулирования является компенсационная, возместительная или правосстановительная функция [33. С. 95–101].

Полагаем, что юридическая ответственность реализует карательную (штрафную), превентивную и воспитательную функции; при этом нами не признается восстановительная функция, характерная только для мер защиты.

Во-вторых, трудно согласиться с автором учебника, который, отмечая беспомощность юридической науки в обосновании юридической ответственности и мер обеспечения ее эффективности при сохранении первой атеистической направленности, предлагает использовать религиозно-нравственный подход, способный «коренным образом изменить положение в данном вопросе» [1. С. 11]. Думается, что у автора ориентация на данный методологический подход сложилась достаточно давно, ибо еще ранее ученый писал о том, что «смысл современной познавательной ситуации заключается в поиске новизны методологии, а не в выборе между известными интерпретациями права» [34. С. 8]. В этой же работе В.В. Сорокин безапелляционно заявляет, что «поскольку право создал Господь Бог, мы имеем дело со священным явлением, проявлением святого духа. Право неизменно, ибо оно вечно. Право, в отличие от законодательства государства, не зависит от субъективизма людей» [Там же. С. 208–209].

Думается, что использование религиозной философии вероучения, ярким примером которой является христианская философия, предполагает, что государство и право изучаются через призму библейских догматов. Признавая, что в сочинениях религиозных философов есть много ценного о природе и функционировании государства и права, необходимо подчеркнуть, что все это рациональное знание подчинено одной конечной цели: доказать зависимость политико-правовой действительности от воли Бога, ее включенность в общее божественное мироустройство [35. С. 31–39].

Использование автором учебника религиозно-нравственного подхода с необходимостью обусловило, что многие проблемы юридической ответственности трактуются с учетом религиозных догм. Так, рассматривая такие основные принципы юридической ответственности, как законность, справедливость и милосердие, В.В. Сорокин утверждает, что «милосердие выше справедливости, так же справедливость превышает законность... По букве закона правоприменительные решения не принимаются, иначе возникают основания для их отмены как неправовых, неправомерных. По справедливости каждого субъекта права есть за что наказать. А через милосердие предоставляется шанс на исправление образа жизни» [1. С. 104].

Без всякого сомнения, предложенный методологический подход относится к метафизической, философской, мировоззренческой позиции. В отношении последней М.И. Абдулаев и С.А. Комаров пишут, что «одни теории связывают наличие государства и права с божественной силой либо объективным разумом (объективный идеализм); вторые – с сознанием человека, его психикой, переживаниями, ощущениями, объявляют государство и право результатом согласования воли, договора людей (субъективный идеализм)» [36. С. 35]. Коллектив авторов – Т.Н. Радько, В.В. Лазарев и Л.А. Морозова – полагают, что «идеализм... видит первопричину и исходную базу развития государства и права в идеях. Объективный идеализм признает существование этих идей вне сознания людей, а субъективный идеализм находит соответствующие идеи в сознании людей» [37. С. 20].

Если внимательно проанализировать содержание анализируемого учебника, то можно утверждать, что так называемый религиозно-нравственный подход относится к объективно-субъективному идеализму, ибо в одних случаях он апеллирует к божественной воле [1. С. 142], в других – к внутреннему психическому миру человека [Там же. С. 136–196].

Представляется немаловажным обратить внимание на некоторые возражения, направленные против религиозно-нравственного подхода, православной теории в целом, высказанные О.В. Мартышиным. Суть их сводится к следующим положениям:

1. То, что получило название «православной теории права», не соответствует позиции РПЦ, нашедшей выражение в ее Основах социальной платформы, принятых в 2000 г. и полностью соответствующих принципам действующей Конституции РФ, в которых проведена четкая грань между духовной и светской властью, церковным и государственным правом.

2. Не преувеличивая оригинальность данной теории, отмечается, что ее новизна лишь в том, что она почти век не фигурировала в литературе и общественно-политической жизни в качестве национальной программы развития.

3. Вместе с социально-политической основой и значением православная теория приобретает и потенциальную опасность, так как она направлена на отрицание основных ценностей, провозглашенных действующей Конституцией РФ [23. С. 311].

Напомним, что согласно ст. 14 Конституции РФ, Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ч. 1). Статья же 28 Основного закона закрепляет, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания.

В заключение отметим, что, несмотря на сделанные замечания, учебник В.В. Сорокина, тем не менее, тоже следует отнести к тем работам, которые направлены на развитие общей теории юридической ответственности, как, впрочем говоря, и другие научные монографии и статьи советских и российских ученых, которые были использованы автором при написании представленной работы.

Литература

1. *Сорокин В.В.* Теория юридической ответственности : учеб. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. 250 с.
2. *Любашниц В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И.* Теория государства и права : учеб. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 512 с.
3. *Астемиров З.А.* Понятие юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 59–67.
4. *Матузов Н.И.* Социалистическая демократия как единство прав, обязанностей и ответственности // Советское государство и право. 1987. № 11. С.135–143.
5. *Литинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. 387 с.
6. *Литинский Д.А., Бессолицын А.Г.* О разграничении мер защиты и мер юридической ответственности // Современное право. 2013. № 4. С. 12–16.
7. *Бондарев А.С.* Юридическая ответственность – позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 133–144.
8. *Малеин Н.С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М. : Юрид. лит-ра, 1985. 182 с.
9. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. 340 с.
10. *Мальцев В.В.* Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Правоведение. 2000. № 6. С. 152–169.
11. *Пьянов Н.А.* Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 583 с.
12. *Шабуров А.С.* Правомерное поведение. Правонарушение. Юридическая ответственность // Теория государства и права : учеб. ; отв. ред. В.Д. Перевалов. М. : Норма, 2007. С. 259–274.
13. *Шепелев В.И.* Правовое поведение и юридическая ответственность // Любашниц В.Я., Смоленский, Шепелев В.И. Теория государства и права : учеб. Ростов н/Д : Феникс, 2006. С. 438–469.
14. *Лазарев В.В., Литень С.В.* Теория государства и права : учеб. М. : Юрайт, 2010. 634 с.
15. *Черногор Н.Н.* О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 105–109.
16. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. М. : Изд-во МГУ, 1981. 239 с.
17. *Общая теория государства и права: академический курс : в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М. : Зерцало, 1998. 622 с.*
18. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права : учеб. : в 2 т. Т. 2: Право. М. : Проспект, 2008. 656 с.
19. *Лейст О.Э.* Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права : учеб. / под ред. М.Н. Марченко. М., 2002. С. 626–655.
20. *Шабуров А.С.* Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург : Свердлов. юрид. ин-т, 1992. 34 с.
21. *Елионский В.А.* Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности : учеб. пособие. Рязань : Рязан. ВШ МВД СССР, 1979. 84 с.
22. *Литинский Д.А., Шишкин А.Г.* Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 5–14.
23. *Мартышин О.В.* Философия права : учеб. М. : Проспект, 2017. 352 с.
24. *Винниченко О.Ю., Попов В.И.* Теория государства и права : учеб. пособие. М., 2010. 504 с.

25. *Божьев В.* Гражданский иск в уголовном процессе // *Законность*. 2004. № 7. С. 2–5.
26. *Рыжаков А.П.* Возмещение вреда, причиненного преступлением. М. : Дело и сервис, 1999. 128 с.
27. *Червонюк В.И.* Теория государства и права : учеб. М. : ИНФРА-М., 2006. 704 с.
28. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
29. *Литинский Д.А.* Функции права и функции юридической ответственности // *Правоведение*. 2004. № 3. С. 144–155.
30. *Ведяхин В.М.* Меры защиты как правовая категория // *Право и политика*. 2005. № 5. С. 21–34.
31. *Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А.* Теория государства и права : учеб. М. : Проспект, 2012. 576 с.
32. *Шубина Т.Б.* Теоретические проблемы защиты права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара : Самар. гос. эконом. академия, 1998. 16 с.
33. *Серегина В.В.* Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991. 20 с.
34. *Сорокин В.В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России. М. : Проспект, 2007. 456 с.
35. *Теория государства и права : учеб. / под ред. О.В. Мартышина.* М. : Норма, 2007. 496 с.
36. *Абдулаев М.И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права : учеб. СПб. : Питер, 2003. 576 с.

Kozhevnikov Vladimir V., Omsk State University (Omsk, Russian Federation)

TO THE PROBLEM OF THE THEORY OF LEGAL RESPONSIBILITY

Keywords: textbook, legal responsibility, measures of protection, religious moral approach.

DOI: 10.17223/22253513/28/1

The consideration of problems of positive legal responsibility, the balance between negative legal responsibility and measures of protection, possibilities of use of religious and moral approach when examining various questions of the general theory of legal responsibility is based on the analysis of the textbook of V. V. Sorokin "The theory of legal responsibility". In particular, the present article supports the above author who is extremely negatively estimating positive legal responsibility which has no basis and states that it is impossible to define its legal nature and to distinguish it from the concepts "lawful behavior", "performance of duties" and a number of other critical remarks on this subject. The author is right, saying that it is time to eliminate the problem of so-called positive legal responsibility since it is groundless both theoretically and in practice. There is no positive legal responsibility because legal responsibility is always negative. Years-long appeals to develop the concept of positive legal responsibility, disclosing its peculiar legal content, were reduced to declarative statements, whereas, on the contrary, the in-depth study of the problems of social responsibility from the position of legal science inevitably leads to the conclusion that its positive aspect does not have signs, qualities and features of the legal phenomenon which is characterized by the relationship with the state and law. At the same time, the statements of the scientist that, with a sufficient degree of confidence, can constitute the subject of scientific discussions raise some doubts.

Firstly, it concerns the position of the scientist who unreasonably identifies measures of legal responsibility with measures of protection. We believe that, social legal purpose of restorative legal measures is to pay for damage caused by an offence (other actions) to legitimate interests and rights of the person. The statutory framework for restorative legal measures is formed by the so-called restorative legal sanctions by means of which the state protects a

normal development of public relations in a society by way of: legislative determination of the duty to pay for the harm to property, damage; cancellation of illegal acts and transactions; directions for the coercive measures taken by competent bodies for the realization of unperformed duties etc.

Secondly, the use of a religious and moral approach, which is idealistic by its nature. The author of the present article proves the statement that in this case it is an objectively subjective idealism since in his work V. V. Sorokin appeals either to the Lord or to the person and his inner, mental world. It is through the prism of this methodological approach that the author considers some problems of legal responsibility.

References

1. Sorokin, V.V. (2017) *Teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [Theory of Legal Responsibility]. Barnaul: Altai State University.
2. Lyubashits, V.Ya., Smolenskiy, M.B. & Shepelev, V.I. (2006) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Rostov on Don: Feniks.
3. Astemirov, Z.A. (1979) Ponyatiye yuridicheskoy otvetstvennosti [The concept of legal liability]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 59–67.
4. Matuzov, N.I. (1987) Sotsialisticheskaya demokratiya kak yedinstvo prav, obyazanostey i otvetstvennosti [Socialist democracy as a unity of rights, duties and liabilities]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 11. pp. 135–143.
5. Lipinskiy, D.A. (2004) *Problemy yuridicheskoy otvetstvennosti* [Problems of Legal Responsibility]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr “Press”.
6. Lipinskiy, D.A. & Bessolitsyn, A.G. (2013) On the Division of Protection and Measures of Legal Responsibility. *Sovremennoye pravo – The Modern Law*. 4. pp. 12–16. (In Russian).
7. Bondarev, A.S. (2008) Yuridicheskaya otvetstvennost' – pozitivnoye svoystvo sub'yektov prava [Legal liability is a positive feature of subjects of law]. *Pravovedeniye*. 1. pp. 133–144.
8. Malein, N.S. (1985) *Pravonarusheniye: ponyatiye, prichiny, otvetstvennost'* [Offense: concept, causes, liability]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
9. Khalfina, R.O. (1974) *Obshcheye ucheniye o pravootnoshenii* [General Doctrine of Legal Relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Maltsev, V.V. (2000) Sotsial'naya otvetstvennost' lichnosti, ugolovnoye pravo i ugolovnaya otvetstvennost' [Social responsibility of the person, criminal law and criminal liability]. *Pravovedeniye*. 6. pp. 152–169.
11. Pyanov, N.A. (2010) *Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava* [Consultations on the Theory of State and Law]. Irkutsk: Irkutsk State University.
12. Shaburov, A.S. (2007) Pravomernoye povedeniye. Pravonarusheniye. Yuridicheskaya otvetstvennost' [Lawful behaviour. Offense. Legal responsibility]. In: Perevalov, V.D. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma. pp. 259–274.
13. Shepelev, V.I. (2006) Pravovoye povedeniye i yuridicheskaya otvetstvennost' [Legal behaviour and legal responsibility]. In: Lyubashits, V.Ya., Smolenskiy, M.B. & Shepelev V.I. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Rostov on Don: Feniks. pp. 438–469.
14. Lazarev, V.V. & Lipen, S.V. (2010) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurayt.
15. Chernogor, N.N. (2006) O teoreticheskikh problemakh yuridicheskoy otvetstvennosti [On the theoretical problems of legal responsibility]. *Zhurnal rossiysskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 105–109.
16. Leist, O.E. (1981) *Sanktsii i otvetstvennost' po sovetskomu pravu* [Sanctions and liability under Soviet law]. Moscow: Moscow State University.

17. Marchenko, M.N. (ed.) (1998) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Vol. 2. Moscow: Zertsalo.
18. Marchenko, M.N. (2008) *Problemy obshchey teorii gosudarstva i prava* [Problems of the General Theory of State and Law]. Vol. 2. Moscow: Prospekt.
19. Leist, O.E. (2002) Metodologicheskiye problemy yuridicheskoy otvetstvennosti [Methodological problems of legal responsibility]. In: Marchenko, M.N. (ed.) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law]. Moscow: Yurist. pp. 626–655.
20. Shaburov, A.S. (1992) *Politicheskiye i pravovyye aspekty sotsial'noy otvetstvennosti lichnosti* [Political and legal aspects of the social responsibility of the individual]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
21. Elionskiy, V.A. (1979) *Ugolovnoye nakazaniye i vospitaniye pozitivnoy otvetstvennosti lichnosti* [Criminal punishment and education of the positive responsibility of the individual]. Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs.
22. Lipinskiy, D.A. & Shishkin, A.G. (2014) The subjective right and legal obligation as measures of positive legal responsibility. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 10. pp. 5–14. (In Russian).
23. Martyshin, O.V. (2017) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Prospekt.
24. Vinnichenko, O.Yu. & Popov, V.I. (2010) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
25. Bozhyev, V. (2004) Grazhdanskiy isk v ugolovnom protsesse [Civil lawsuit in the criminal trial]. *Zakonnost'*. 7. pp. 2–5.
26. Ryzhakov, A.P. (1999) *Vozmeshcheniye vreda, prichinennogo prestupleniyem* [Compensation for harm caused by a crime]. Moscow: Delo i servis.
27. Chervonyuk, V.I. (2006) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: INFRA-M.
28. Alekseyev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
29. Lipinskiy, D.A. (2004) Funktsii prava i funktsii yuridicheskoy otvetstvennosti [Functions of law and functions of legal responsibility]. *Pravovedeniye*. 3. pp. 144–155.
30. Vedyakhin, V.M. (2005) Mery zashchity kak pravovaya kategoriya [Protection measures as a legal category]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 5. pp. 21–34.
31. Radko, T.N., Lazarev, V.V. & Morozova, L.A. (2012a) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
32. Shubina, T.B. (1998) *Teoreticheskiye problemy zashchity prava* [Theoretical problems of law protection]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
33. Seregina, V.V. (1991) *Gosudarstvennoye prinuzhdeniye po sovetскому pravu* [State coercion under Soviet law]. Voronezh: Voronezh State University.
34. Sorokin, V.V. (2007) *Ponyatiye i sushchnost' prava v dukhovnoy kul'ture Rossii* [The concept and essence of law in Russian spiritual culture]. Moscow: Prospekt.
35. Martyshin, O.V. (ed.) (2007) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma.
36. Abdulayev, M.I. & Komarov, S.A. (2003) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law]. St. Petersburg: Piter.